

IN VARIA

IN VARIA

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-14>

**ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ НЕКООПЕРАТИВНОЙ
КОММУНИКАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ**

УДК 81-119

Екатерина В. Куликова

Тюменский
государственный
университет,

Тюмень,
Российская Федерация

Елена Ю. Пономарева

Тюменский
государственный
университет,

Тюмень,
Российская Федерация

Аннотация

В статье исследуются прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации в политических дискурсах США и России на материале речей, официальных заявлений и публикаций в СМИ за 2020–2023 гг. Выявлены и классифицированы ключевые стратегии, такие как демонизация оппонента, морализаторская дихотомия, персонализация конфликта, делегитимация, фрейминг врага, обвинение и игнорирование альтернативных позиций. Показано, что американский дискурс характеризуется внутренней поляризацией, использованием иронии, сарказма и косвенных речевых актов, в то время как в российском дискурсе внимание акцентируется на внешних угрозах, наблюдается опора на официальную патетику, присутствуют прямые обвинения и эмоциональное давление. Установлено, что обе страны применяют схожие прагмалингвистические механизмы для консолидации аудитории, но с разными целями: в США — преимущественно для убеждения и мобилизации электората в условиях внутренней конкуренции, в России — для мобилизации общества вокруг образа внешнего врага и защиты национальных интересов. Результаты работы расширяют понимание роли прагмалингвистики в политической коммуникации, вносят вклад в сравнительный анализ дискурсов крупных держав и могут быть использованы в дальнейших исследованиях политического дискурса, медиа-аналитике и преподавании лингвистических дисциплин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: некооперативная коммуникация, политический дискурс, прагмалингвистика, США, Россия, речевые стратегии, конфронтация, сравнительный анализ

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Екатерина В. Куликова, Елена Ю. Пономарева, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-14>

PRAGMALINGUISTIC STRATEGIES OF UNCOOPERATIVE COMMUNICATION IN AMERICAN AND RUSSIAN POLITICAL DISCOURSES

UDC 81-119

Ekaterina V. Kulikova
Tyumen State University,

Tyumen, Russian Federation

Elena Y. Ponomareva
Tyumen State University,

Tyumen, Russian Federation

Abstract

This article examines pragmalinguistic strategies of non-cooperative communication in the political discourses of the United States and Russia, drawing on speeches, official statements, and media publications from 2020 to 2023. The study identifies and classifies key strategies, including demonization of the opponent, moralizing dichotomy, personalization of conflict, delegitimization, enemy framing, accusation, and the disregard of alternative positions.

The findings indicate that U.S. political discourse is characterized by internal polarization and the use of irony, sarcasm, and indirect speech acts, whereas Russian political discourse places greater emphasis on external threats and relies more heavily on official pathos, direct accusations, and emotional pressure. It is shown that both countries employ similar pragmalinguistic mechanisms to consolidate their audiences, but for different purposes: in the United States, primarily to persuade and mobilize the electorate in the context of domestic political competition; in Russia, to mobilize society around the image of an external enemy and the protection of national interests.

The results contribute to a broader understanding of the role of pragmalinguistics in political communication, advance the comparative analysis of the political discourses of major powers, and may be applied in further research on political discourse, media analysis, and the teaching of linguistic disciplines.

KEYWORDS: non-cooperative communication, political discourse, pragmalinguistics, USA, Russia, speech strategies, confrontation, comparative analysis

1 | Введение

В современном мире политический дискурс является важным инструментом воздействия на массы и формирования общественного мнения. В процессе политической коммуникации участники дискурса стремятся достичь своих целей, выражая свои интересы и установки. Однако в ходе обмена информацией и идеями возникают ситуации некооперативной коммуникации, когда участники дискурса не следуют принципам взаимного понимания и сотрудничества, а используют тактики, направленные на дестабилизацию отношений и дезинформацию аудитории.

Исследование прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах является актуальным и важным научным направлением. Россия и США – это две страны, играющие ключевую роль в мировой политике, и политический дискурс в этих странах имеет большое значение для понимания глобальных политических процессов. Изучение прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации позволяет выявить особенности и специфику политических дискурсов в этих странах, а также понять, какие языковые и коммуникативные стратегии используются для достижения политических целей.

Цель данного исследования заключается в выявлении, классификации и сопоставлении прагмалингвистических стратегий, используемых в некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах.

Исследования политического дискурса привлекают внимание многих ученых, поскольку политический дискурс — это междисциплинарное явление, которое представляет интерес не только для лингвистов, но и для политологов, а также социологов, психологов и специалистов в сфере культуры.

Политический дискурс занимает особое место в дискурсивной таксономии. В.И. Карасик утверждает, что исследования в области дискурса можно свести к выделению трех основных подходов – *социолингвистического* (кто говорит), *прагмалингвистического* (как говорят) и *тематического* (о чем идет речь) [Карасик, 2009: 406].

Участниками политического дискурса (**социолингвистический подход**) являются политические деятели и электорат. Можно выделить специфические жанровые разновидности политического дискурса, которые охватывают такие устные жанры, как политические дебаты, официальные выступления глав государств, выступления на митинге, интервью и т.п., а также такие письменные жанры, как избирательная программа, газетная статья политического характера, письмо политическому лидеру и т.п. Тематика политического дискурса связана с

различными аспектами внутренней и внешней политики государств (**тематический подход**). На основании **прагмалингвистического подхода** также противопоставляются личностно-ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный (институциональный) дискурсы. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института [Карасик, 2000: 5–20].

Политический дискурс в большей степени является **институциональным, статусно-ориентированным типом дискурса**, в котором социальный статус индивидуума, являющегося представителем определенного общественного института, имеет решающее значение. Общение в этих институтах представляет собой неотъемлемую часть их организации и осуществляется в соответствии с нормами конкретного института, каждый из которых характеризуется особым стилем общения и специальной системой профессионально ориентированных знаков [Бондарчук, 2017: 8–13]. Е. И. Шейгал также рассматривает политический дискурс через призму личностно-ориентированного общения, куда входят такие жанры, как разговоры о политике, письма граждан, посты в социальных сетях политического характера [Шейгал, 2002: 328].

Целью политического дискурса является воздействие на электорат и на представителей различных политических фракций, в связи с чем для политического дискурса помимо информативной функции характерна конативная или персуазивная функция (прагмалингвистический подход). Е.И. Шейгал выделяет такие функции политического дискурса, как коммуникативную, эмотивную, мотивационную, фатическую и эстетическую. Тем не менее, основной функцией политического дискурса считается персуазивная (воздействующая), так как цель большинства политических речей и высказываний заключается в воздействии на слушателя с целью удержания либо завоевания власти [Шейгал, 2002: 328].

Речевое воздействие в широком смысле — это любое речевое общение, обладающее такими чертами, как целенаправленность, целевая обусловленность, это речевое общение, в котором один коммуникант рассматривает себя в качестве субъекта воздействия, а своего собеседника — в качестве объекта или реципиента [Тарасов, 1990: 5–18]. Целью воздействия является изменение воззрений реципиента, формирование новых концептуальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов [Броженко, 2011: 11–15].

В данном исследовании мы опираемся на интегративное определение политического дискурса, основанное на определениях А.Н. Баранова и Е.Р. Левенковой: политический дискурс — это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, [Баранов, Казакевич: 1991], а также «языковое выражение общественной политики в сфере политической культуры, представляющее собой профессиональное использование языка, в основе которого лежит национально и социально-исторически обусловленная ментальность его носителей» [Левенкова, 2011: 423].

В фокусе данного исследования находится некооперативная политическая коммуникация как способ воздействия на политического оппонента с целью легитимации собственной позиции и делегитимации позиции оппонента. Под некооперативной коммуникацией мы понимаем такую форму взаимодействия, при которой участник (или участники) общения сознательно или неосознанно нарушает максимы кооперации П. Грайса [Graice, 1975], вводит собеседника в заблуждение, игнорирует совместные цели коммуникации или препятствует эффективному обмену информацией.

В данном исследовании под прагмалингвистической стратегией понимается совокупность речевых актов и коммуникативных решений, которые направлены на достижение прагматической цели говорящего и реализуются с помощью устойчивых языковых и дискурсивных средств. Стратегия трактуется как надтактический уровень организации речевого поведения, в то время как тактики являются конкретными способами реализации стратегии в тексте. В работе используется термин «прагмалингвистические стратегии», поскольку объектом данного анализа являются не только прагматические эффекты, но и их языковая форма.

2 | Материалы и методы

Поскольку целью данного исследования является выявление и классификация прагмалингвистических стратегий, используемых в некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах, в качестве основного метода исследования был выбран контекстно-дискурсивный анализ, который позволяет учитывать влияние социальных и культурных факторов на политический дискурс и поскольку в интерпретации коммуникативных стратегий прагмалингвистический контекст играет основную роль. Для анализа речевых актов, импликатур и других инструментов языка используется коммуникативно-прагматический метод.

Дополнительно в работе используется сравнительно-сопоставительный анализ, позволяющий выявить как сходства, так и различия в применении стратегий некооперативной коммуникации в политических дискурсах США и России. Данный метод обеспечивает систематизацию эмпирических данных и способствует объективной интерпретации различий в речевых стратегиях политических акторов.

Материалом исследования послужили 32 текста и 67 микроконтекстов, которые отражают ключевые события в социальной и политической жизни России и США в период с 2020 по 2023 год. В данной работе были использованы речи политических лидеров, официальные пресс-релизы, а также публикации в государственных и международных медиа. При выборе материала исследования основное внимание было сосредоточено на периодах, когда складывались кризисные ситуации, такие как политические выборы, введение экономических санкций, а также были затронуты международные военные конфликты. Материалы, используемые в исследовании, охватывают разные жанры, в число которых входят дебаты, официальные выступления глав государств и комментарии в медиа, что дает возможность исследовать прагмалингвистические аспекты некооперативной коммуникации.

В данном исследовании жанровая принадлежность текстов учитывается как фактор, который влияет на уровень эксплицитности и форму прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации. Дебаты, официальные заявления и медийные комментарии различаются по институциональным ограничениям, адресатам и по коммуникативной ситуации, что может отразиться на выборе языковых средств и уровне экспрессивности высказывания. В условиях политической конфронтации одни и те же прагмалингвистические стратегии могут быть реализованы в различных жанрах, видоизменяясь в зависимости от формата коммуникации.

Важно отметить, что медийные тексты рассматриваются в исследовании не как отдельный вид политического дискурса, а как вторичный дискурсивный слой, целью которого является репрезентация текущей политической позиции. Основной аналитический фокус направлен на институциональный политический дискурс, представленный в виде официальных заявлений и публичных выступлений политиков.

Для выполнения комплексного анализа политической коммуникации в рамках некооперативного взаимодействия был выведен ряд критериев, в соответствии с которыми был выбран материал, а именно:

1. Релевантность политической ситуации

Материал исследования касается ключевых моментов политической жизни стран (выборы, изменения в международной обстановке, различного рода конфликты и кризисные ситуации, в частности, введение санкций). Для подобного рода периодов характерно повышение интенсивности политической риторики, что позволяет фиксировать стратегии и тактики, направленные на оправдание политических решений и/или дискредитацию оппонентов.

2. Доступность официальных источников

Все проанализированные материалы представлены в формате официальных заявлений, речей или пресс-брифингов, а также опубликованы на официальных правительственных ресурсах или авторитетных медиаресурсах. Использование официальных источников обусловлено тем, что они позволяют исследовать как риторику власти, так и степень ее влияния на общественное мнение.

3. Разнообразие форматов коммуникации

В исследовании были использованы материалы разного характера и различных форматов, так как политическая риторика может проявляться по-разному в зависимости от целевой аудитории и формата. Привлечение разных жанров позволило выявлять особенности прагматических стратегий в различных контекстах.

4. Хронологический охват ключевых событий

Материалы для проведения исследования были отобраны из разных промежутков времени, включавших значимые политические события нескольких последних лет. Это дало возможность в ходе хронологического анализа проследить динамику изменения риторики и стратегий коммуникации в зависимости от политической обстановки.

5. Репрезентативность материала исследования

Материалы исследования в первую очередь отражают аспекты официальной риторики власти, а также затрагивают важные для общества темы и конфликтные вопросы. Материалы, обладающие высокой значимостью и предназначенные для широкой аудитории, позволяют выполнить репрезентативный анализ, который дает возможность получить конкретные результаты.

6. Сравнительный потенциал

С целью получения достоверных результатов для анализа были выбраны материалы схожей тематики и проблематики, опубликованные в одно и то же время и касающиеся обеих стран (США и России). Это позволило выявить черты сходства и различия в стратегиях

некооперативной коммуникации, что возможно только при анализе аналогичных событий и сходного политического контекста. С этой целью для анализа как российского, так и американского дискурса были выбраны материалы, касающиеся пандемии, экономических санкций и выборов.

Таким образом, применение вышеперечисленных критериев отбора материалов было направлено на обеспечение репрезентативности, релевантности, а также хронологической широты исследования. Материалы, касающиеся обеих стран, были подобраны таким образом, чтобы охватить высказывания государственных лиц и публикации в СМИ о кризисных периодах, что позволяет исследовать прагмалингвистические аспекты в политических дискурсах США и России.

3 | Результаты и обсуждение

В ходе анализа политических дискурсов США и России было отобрано 32 репрезентативных текста, включающих выдержки из политических дебатов, официальные заявления должностных лиц, официальные заявления органов государственной власти, в которых отражены события 2020–2023 годов. Помимо этого, было проанализировано 67 микроконтекстов, связанных с выборами, санкционной политикой, конфликтом на Украине и др. При анализе этих материалов были выявлены основные повторяющиеся стратегии некооперативной коммуникации, которые используются официальными лицами в публичных политических заявлениях.

Для осуществления прагмалингвистического анализа выбранных микроконтекстов были использованы параметры некооперативной коммуникации Пола Грайса [Grice, 1975: 41–58], а также классификация некооперативности Криса Камминса [Cummins, 2025: 35–52]. Так, были выделены следующие признаки некооперативной коммуникации:

1. недостаточность или избыточность информации;
2. предоставление недостоверной или заведомо ложной информации;
3. отклонение от темы и/или от прямого ответа;
4. намеренная неясность или двусмысленность высказывания;
5. манипулятивность;
6. игнорирование коммуникативного партнерства;
7. намеренное разрушение логики высказывания или диалога;
8. использование эмотивной лексики в целях делигитимации адресата.

Данные признаки некооперативности позволили выделить высказывания, нарушающие принципы кооперативной коммуникации.

Для систематизации стратегий некооперативной коммуникации, представленных ниже, в работе используется иерархический подход, который предполагает разграничение макростратегий, мезостратегий и микростратегий. Такое разграничение основывается на различиях в уровнях обобщённости и виде речевого взаимодействия. Кроме этого, данная иерархия помогает избежать смешения тактик и стратегий в анализе политического дискурса.

Макростратегии представляют собой обобщенные коммуникативные действия, которые отражают глобальные цели некооперативного взаимодействия в политическом дискурсе. Под мезостратегиями понимаются устойчивые способы реализации макростратегий в дискурсе. Микростратегии могут трактоваться как конкретные риторические и языковые приемы (тактики), с помощью которых в отдельных высказываниях реализуются мезостратегии.

Необходимо отметить, что указанные уровни стратегий взаимосвязаны друг с другом: макростратегии определяют общее направление дискурса, мезостратегии характеризуют способы интерпретации политической реальности, а микростратегии реализуют их языковую форму в конкретных речевых актах.

Далее в ходе анализа текстов, выбранных в рамках данного исследования, были выделены следующие прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации:

Макростратегии:

1. делегитимация оппонента;
2. конфронтационная поляризация;
3. идеологическая мобилизация аудитории.

Мезостратегии:

4. демонизация оппонента;
5. морализаторская дихотомия («свои» – «чужие»);
6. персонализация конфликта;
7. фрейминг врага;
8. сакрализация позиции;
9. личностная дискредитация;
10. игнорирование альтернативных точек зрения;
11. подмена понятий;
12. обобщения, или стереотипизация.

Микростратегии:

13. обвинительная риторика;
14. ирония;
15. использование сниженной лексики.

Следует отметить, что некоторые стратегии некооперативной коммуникации функционально связаны и могут реализовываться совместно в пределах одного высказывания. В частности, такие стратегии, как делегитимация оппонента, фрейминг врага и демонизация часто используются в комплексе, однако они не являются тождественными. Стратегия делегитимации направлена на подрыв легитимности оппонента в его политической, институциональной или моральной правомочности; фрейминг врага имеет своей целью создание устойчивого интерпретационного образа, в рамках которого оппонент осмысливается как источник угрозы; демонизация, в свою очередь, направлена преимущественно на формирование негативной эмоциональной оценки оппонента. Разграничение данных понятий позволяет избежать ошибок в их интерпретации и обеспечивает более точное понимание прагмалингвистических стратегий.

Важно отметить, что такое распределение по уровням, в первую очередь, носит аналитический характер. В некоторых случаях одна и та же стратегия может иметь признаки разных уровней, однако в рамках данного исследования она классифицируется исходя из степени преобладания в организации некооперативного политического дискурса.

Каждая упомянутая выше коммуникативная стратегия встречается в дискурсах обеих стран, но с различной частотностью.

Количественный анализ прагмалингвистических стратегий может подтвердить выводы качественного анализа и показывает системные различия в дискурсах двух стран. Таким образом, в американском политическом дискурсе преобладают следующие стратегии: демонизация оппонента (21% всех микроконтекстов), морализаторская дихотомия (18%), персонализация конфликта (15%). Данные отражают ориентацию на внутривнутриполитическую конфронтацию, а также на мобилизацию аудитории.

В российском политическом дискурсе доминируют следующие стратегии: фрейминг врага (21%), делегитимация оппонента (19%), сакрализация собственной позиции (17%). Эти показатели свидетельствуют о том, что в данном случае дискурс ориентирован на формирование образа внешней угрозы и идеологическую консолидацию аудитории.

Стратегии, которые встречаются реже, такие как игнорирование альтернативных точек зрения и обвинение, можно найти в дискурсах обеих стран, однако они выполняют

вспомогательную функцию и реализуются по большей части в контекстах, касающихся наиболее кризисных ситуаций.

Использование иронии и сниженной лексики было зафиксировано исключительно в американском политическом дискурсе, что может характеризовать жанровую и культурную специфику публичной политической коммуникации США.

Количественные показатели, представленные в исследовании, помогают выявить относительную частотность прагмалингвистических стратегий в рамках анализируемого корпуса из 32 текстов.

Для качественного сопоставительного анализа прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации в дискурсах двух стран была использована система категорий, которые отражают ключевые характеристики конфронтационного политического взаимодействия. Данные категории взяты из теоретических концепций прагматики, дискурс-анализа, а также основаны на работах российских и зарубежных исследователей, таких как Т. Ван Дейк, Дж. Лич, С. Левинсон, Е.И. Шейгал и др. [Chilton, 2004; van Dijk, 2008: 293; Leech, 2014: 320; Levinson, 1983: 420; Шейгал, 2002].

Применение указанных категорий позволяет выявить сходства и различия как на содержательном уровне, так и в способах реализации стратегий и их целей. Целью каждой категории является выявление определенного аспекта дискурсивной практики:

1. образ противника – с помощью этой категории можно определить, на кого нацелена некооперативная риторика (внутренние или внешние оппоненты);
2. риторические приемы – позволяют выявить стилистические характеристики высказываний, которые используются для воздействия на слушателей;
3. импликатура и прямота речи – указывают на уровень завуалированности или открытости конфронтации, что дает возможность выявить различия в культуре и стратегии коммуникации;
4. кризисная риторика – позволяет провести анализ изменения дискурса в условиях политических и социальных проблем.

Данные категории выполняют функцию не только инструмента анализа, но и представляют собой средства систематизации различных актов речи и стратегий прагматики, применяемых в дискурсах США и России.

В результате сравнительного анализа прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации в политическом дискурсе России и США был выявлен ряд

существенных различий, которые могут быть обусловлены как историко-культурными особенностями, так и различиями в политических системах этих стран.

Одной из основных особенностей, которые выделяются в дискурсах двух стран, является различия в образе врага. В политическом дискурсе США конфронтация происходит с внутренними оппонентами, представителями других партий или идеологическими конкурентами. Например, в ходе президентских дебатов 2020 года Дональд Трамп открыто обвиняет Джо Байдена в коррупции и слабости, используя эмоционально окрашенную лексику: *“You’ve been in politics for 47 years and done nothing”* («Ты занимаешься политикой 47 лет и не сделал ничего»). В России формируется образ внешнего противника, такого как коллективный Запад, Америка, НАТО. В качестве примера можно привести Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 года, где он заявляет: *«Именно они развязали войну, а мы применяем силу, чтобы ее остановить»*. Это позволяет провести идеологическую мобилизацию аудитории и сосредоточить слушателей на идее угрозы извне.

Отличаются также риторические приемы, применяемые в двух странах. Американские политики чаще используют разнообразные риторические приемы, подкрепляя их эмотивной лексикой, что оказывает комплексное воздействие на адресата не только на логико-интеллектуальном, но и на эмоционально-аффективном уровне. Например, Джо Байден в своей речи на Демократическом национальном съезде в 2020 году говорит следующее о действиях Трампа: *“The President takes no responsibility. Refuses to lead. Blames others. He looks at this as a political issue to be won — rather than a crisis to be solved”* («Президент не берет на себя ответственности. Отказывается вести за собой. Обвиняет других. Он рассматривает это как политическую задачу, которую нужно решить, а не как кризис, который нужно урегулировать»). В данном примере используется несколько риторических приемов: парцелляция, градация и антитеза. В российской политической риторике доминирует использование формальных способов коммуникации, а именно применение книжной лексики с элементами эмотивной коннотации. Пример можно обнаружить в обращении Путина о признании независимости ДНР и ЛНР от 21 февраля 2022 года, где он использует эмоционально окрашенные эпитеты: *«историческая справедливость»*, *«исконные территории»* и *«многострадавший Донбасс»*. Государственные деятели часто обращаются к исторической памяти и идее государственности, что еще больше подчеркивает серьезность и формальность российского дискурса.

Следующее отличие заключается в уровне прямоты речевых высказываний. В американском политическом дискурсе чаще наблюдается тенденция к прямолинейному выражению оценки, а также использованию прямых обвинительных конструкций и прямой номинации оппонента. Во время выступления на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2022 года Дж. Байден заявил: *“Russia has shamelessly violated the core tenets of the United Nations Charter.”* («Россия бесстыдно нарушила основные принципы Устава Организации Объединенных Наций»). Несмотря на то, что есть прямое упоминание России, высказывание несет институционально-дипломатический характер за счет отсутствия эмоционально окрашенной лексики или открытым обвинительным высказываниям. Кроме этого, Дж. Байден обращается к универсальным принципам международного права, что также позволяет сохранить дипломатический характер высказывания. При этом Россия прямо называется субъектом нарушения международного порядка, а использование оценочной эмотивной лексики (*“shamelessly violated”*) усиливает обвинительный характер высказывания. В российском политическом дискурсе, напротив, чаще встречаются примеры завуалированной конфронтационной риторики, реализуемой через имплицитные указания и обобщённые номинации. В выступлении 30 сентября 2022 года В. В. Путин заявил: *«Некоторые государства пытаются сохранить свое доминирование и навязать миру так называемый “порядок, основанный на правилах”»*. В данном случае субъект обвинения напрямую не обозначен, при этом политический контекст позволяет адресату интерпретировать высказывание как отсылку к США и странам Запада. Использование неопределенной номинации «некоторые государства» и конструкции «так называемый “порядок, основанный на правилах”» создает имплицитную форму критики, при которой конфронтационная прагматика сохранена, но реализована менее прямолинейно.

Уровень кризисной и/или конфликтной риторики может колебаться как в российском, так и американском дискурсах, на что влияют контекст и адресат высказывания. Американские политики часто придерживаются рациональных аргументов и умеренной эмоциональной экспрессии. Однако на примере дебатов между Джо Байденом и Дональдом Трампом мы видим, как уровень экспрессии может увеличиваться в зависимости от целей коммуникативного высказывания. Подобное явление наблюдалось в ходе дебатов 29 сентября 2020 года. Трамп неоднократно перебивает Байдена, повышая голос: *“There’s nothing smart about you, Joe!”* («В тебе нет ничего умного, Джо») и *“Will you shut up, man?”* («Заткнись уже, чувак!»), что является нарушением норм политической дискуссии. В российском дискурсе, наоборот, рациональность превалирует в вопросах внутренней политики, однако в кризисные

моменты наблюдается значительное повышение агрессивности риторики и эмоционального уровня высказываний. Примером может служить заявление Путина на Совете Безопасности ООН 24 февраля 2022 года, где российский политик говорит: «*Запад перешел все границы... мы не позволим уничтожить нашу страну*», – здесь доминирует тон решительного заявления о намерениях.

Таким образом, в результате проведенного анализа был выявлен ряд различий в стратегиях некооперативной коммуникации в политических дискурсах России и США. Ключевые различия состоят в том, что в американском дискурсе в большей мере представлена внутривнутриполитическая поляризация, в то время как в России политическая риторика направлена на внешнего врага с целью консолидации общества. Данные различия отражают не только лингвистические особенности риторики, но и глубокие различия в культуре и политике.

Несмотря на ряд значительных различий в системах политического дискурса двух стран, проведенный анализ прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации позволяет выявить ряд схожих черт, встречающихся в дискурсах двух стран. Наличие устойчивых сходств в политической риторике США и России является естественным, так как политическая коммуникация преследует достаточно универсальные задачи для всех акторов – борьба за власть и влияние, а также консолидацию общества вокруг определенной идеи.

Во-первых, в риторике обеих стран в том или ином виде используются стратегия демонизации оппонента. Данный механизм реализуется через репрезентацию политического противника как источника глобальной угрозы и деструктивной силы. В политических дискурсах и Америки, и России целенаправленно формируется негативный образ оппонента как субъекта внешней или внутренней политики. Достигается эта стратегия посредством использования эмотивной лексики, гиперболизации угрозы со стороны врага, искажения мотивации действий другой стороны и т.д. Так, в выступлении на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2022 года Дж. Байден охарактеризовал российско-украинский конфликт следующим образом: “*This war is about extinguishing Ukraine’s right to exist as a state...*” («Эта война ведется с целью уничтожить право Украины на существование как государства...»). Такая формулировка создает образ противника, который нарушает базовые принципы международного порядка и угрожает существованию другого государства. Похожая прагматическая модель наблюдается и в российском политическом дискурсе. В частности, С. В. Лавров в 2023 году заявил: «*США и НАТО ведут гибридную войну против России*». В обоих

случаях создается четкий образ врага, что усиливает конфронтационный характер коммуникации.

Во-вторых, в обоих дискурсах активно используется стратегия морального превосходства над другой стороной. Обе страны позиционируют себя как носителя истинных ценностей, таких как свобода, порядок, историческая миссия. При этом сторона оппонента всегда представлена в качестве нарушителя «правильного» порядка и международных норм, что ужесточает стратегию дихотомии в риторике двух стран. В выступлении на Национальном съезде Республиканской партии 27 августа 2020 года Д. Трамп использует следующее высказывание: *“America is the torch that enlightens the entire world.”* («Америка — это светоч, озаряющий весь мир».) В данном случае метафора света необходима для формирования представления о США как о государстве, обладающем моральным превосходством и особой миссией для всей цивилизации. В российском политическом дискурсе похожая прагматическая установка была реализована в выступлении В. В. Путина 24 февраля 2022 года: *«Россия борется за право быть суверенным государством, за традиционные ценности, за справедливый миропорядок»*. В данном случае Россия выступает в качестве государства, которое имеет моральное право не только защищать свой суверенитет, но и устанавливать тот миропорядок, который она считает справедливым, даже если оппоненты отрицают данный вид мироустройства. Оба приведенных выше примера демонстрируют стремление легитимировать собственную политическую позицию.

В-третьих, и Россия, и США прибегают к одной и той же стратегии дискредитации оппонента в случае кризиса. Несмотря на различия в дискредитационных мезо- и микростратегиях, целью обеих стран является подрыв авторитета оппозиционной стороны через делигитимацию или сомнения в моральной состоятельности оппонента. Например, госсекретарь Энтони Блинкен 2 июня 2023 года в Хельсинки сделал следующее заявление: *“Where Putin aimed to project strength, he's revealed weakness. Where he sought to divide, he's united. What he tried to prevent, he's precipitated.”* («Там, где Путин стремился продемонстрировать силу, он выявил слабость. Там, где он хотел разделить, он объединил. То, чему он пытался помешать, он лишь ускорил»). В данном случае Энтони Блинкен создает образ некомпетентного лидера, неспособного стратегически мыслить. В российском политическом дискурсе аналог данной стратегии можно обнаружить в обращении президента Путина от 21 февраля 2023 года, где говорится: *«Именно западные элиты несут ответственность за развязывание конфликта... они подрывают устои традиционной морали, разрушая институт семьи и навязывая людям извращенные модели поведения»*.

Таким образом, осуществляется не только дискредитация внешнеполитического оппонента, но и моральное противопоставление собственных и чужих ценностей.

В-четвертых, общей становится тенденция к снижению значимости противоположных или альтернативных точек зрения. Несмотря на то, что стратегии игнорирования отличаются в высказываниях двух стран, в обоих дискурсах преследуется одна цель – разрушение условий для честной открытой дискуссии. В качестве примера можно привести одно из выступлений Дональда Трампа, где он заявляет: *“Fake news is the enemy of the people,”* («Фейковые новости — враг народа»), полностью делегитимируя любую информацию, противоречащую проводимой политике. В российской риторике похожий прием применяется в заявлении Путина от 16 марта 2022 года, где он называет инакомыслящих «национал-предателями» и акцентирует мысль о том, что такая позиция недопустима в российском обществе во время кризиса.

Исходя из ряда сходств в прагмалингвистических стратегиях некооперативной коммуникации в политических дискурсах США и России, можно сделать вывод о том, что некооперативная коммуникация является универсальным инструментом ведения политического диалога, особенно в условиях международного или политического кризиса. Несмотря на различия в коммуникативных стратегиях России и США, обе страны используют схожие риторические приемы, преследуя схожие политические цели.

4 | Заключение

В результате анализа основных стратегий некооперативной коммуникации за 2020–2023 гг. в дискурсах России и США были выявлены стратегии речевой коммуникации, которые характерны для культурных и языковых контекстов двух стран.

В период с 2020 по 2023 год для американского политического дискурса был характерен высокий уровень конфронтации как во внутренней, так и во внешней политике. Самыми часто используемыми стратегиями в высказываниях американских политиков стали демонизация оппонента, морализаторская дихотомия, персонализация конфликта, личностная дискредитация.

Данные стратегии реализуют функции манипулятивной риторики, главной целью которой является мобилизация электората, что обусловлено периодом политических выборов в данный промежуток времени. Кроме этого, упомянутые стратегии формируют бинарную картину мира и исключают альтернативные точки зрения по различным вопросам. Ключевая

роль в американском дискурсе принадлежит медиаресурсам, за счет которых конфронтационная риторика усиливается, и в сознании аудитории формируется образ врага.

В российском политическом дискурсе присутствуют следующие наиболее частотные прагмалингвистические стратегии: фрейминг врага, делегитимация оппонента, сакрализация собственной позиции, обвинение и игнорирование альтернативных точек зрения.

В результате анализа речей и официальных заявлений российских политиков можно сделать вывод, что основной функцией некооперативных стратегий является формирование идеи о наличии внешней угрозы и необходимости объединения общества. Для российского дискурса характерно системное разделение на «своих» и «чужих», а также ориентация на национальную идентичность, на которой основывается легитимация политических решений.

В результате сравнительного анализа прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации в политических дискурсах России и США были выявлены как системные различия, так и существенные черты сходства, которые могут быть обусловлены культурно-языковыми и социально-политическими факторами.

В дискурсах двух стран присутствуют системные различия при использовании некооперативных стратегий. Для американского дискурса характерно использование морализаторской и миссионерской риторики, что позволяет оправдывать некооперативность моральным превосходством над политическим противником. В электоральном контексте при внутривнутриполитической партийной конфронтации также преобладают стратегии демонизации, персонализации, сакрализации собственной позиции и личностной дискредитации.

В российском политическом пространстве, напротив, политический дискурс базируется на идеологической мобилизации путем создания образа врага. При такой риторике наиболее частотными стратегиями являются делегитимация, фрейминг врага, обвинение. Коммуникация в данном случае имеет закрытый характер, и особую роль играют национальная идентичность и безопасность. Следует отметить, что в исследуемом корпусе из 32 текстов употребление иронии и сниженной лексики было зафиксировано только в американском дискурсе, однако этот факт не позволяет полностью исключить использование данных микростратегий в российском политическом поле.

Несмотря на разницу в выбранной риторике, модели обеих стран демонстрируют наличие дискурсивной борьбы, где преобладают простые бинарные конструкции, отказ от признания легитимности другой стороны и высокая степень эмоционального давления. Обе страны используют манипулятивные формы воздействия на аудиторию. Очевидно стремление как России, так и США к политической мобилизации слушателей с использованием риторики

противостояния. Сходство проявляется также в характере использования самого языка. В политических дискурсах обеих стран язык используется как инструмент власти, то есть происходит намеренное нарушение коммуникативных принципов.

Таким образом, прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации являются основополагающими инструментами для формирования идеологически сформированного дискурса как в США, так и в России. Данные стратегии имеют общие задачи поддержания политической повестки, легитимации собственной позиции и дискредитации другой стороны, что повышает актуальность подобных исследований для лучшего понимания современной риторики в глобальном политическом контексте. Проведенное исследование показало, что некооперативное взаимодействие может быть не только отклонением от нормы, но и осознанно выбранной речевой стратегией в политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешина Е.Ю.* (2016) Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. Том 5. № 3. С. 293–301.
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* (1991) Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание. 64 с.
- Бондарчук И.А.* (2017) Основные подходы к типологии дискурса // Филологические науки. № 5 (11). С. 8–13.
- Брожченко С.В.* (2011) Стратегии и тактики рекламного дискурса // Вестник. Филология. № 3(218). С. 11–15.
- Карасик В.И.* (2000) О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена. С. 5–20.
- Левенкова Е.Р.* (2011) Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ. Самара: Изд-во ПГСГА. 308 с.
- Шейгал Е.И.* (2002) Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена. 477 с.
- Chilton P.* (2004) *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge. 240 p.
- Cummins C.* (2025) *Noncooperative Communication* // *Annual Review of Linguistics*. Vol. 11. Pp. 35–52.
- Dijk, Teun A. van* (2008) *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 293 p.
- Grice H.P.* (1975) *Logic and Conversation*. In Cole, P., & Morgan, J.L. (Eds.), *Syntax and Semantics: Speech Acts*. Vol. 3. New York: Academic Press. Pp. 41–58.
- Leech G.* (2014) *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Levinson S.C.* (1983) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.

REFERENCES

- Aleshina, E. Yu.* (2016) *Zhanrovaya gradatsiya politicheskogo diskursa* [Genre gradation of political discourse]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, Vol. 5, No. 3, pp. 293–301. (In Russian).
- Baranov, A.N., Kazakevich, E.G.* (1991) *Parlamentskie debaty: traditsii i innovatsii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow: Znanie. (In Russian).
- Bondarchuk, I.A.* (2017) *Osnovnye podkhody k tipologii diskursa* [Main approaches to discourse typology]. *Filologicheskie nauki*, No. 5(11), pp. 8–13. (In Russian).

- Brozhenko, S.V.* (2011) Strategii i taktiki reklamnogo diskursa [Strategies and tactics of advertising discourse]. *Vestnik. Filologiya*, No. 3(218), pp. 11–15. (In Russian).
- Karasik, V.I.* (2000) O tipakh diskursa [On types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs: sb. nauch. trudov* [Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific papers]. Volgograd: Peremena, pp. 5–20. (In Russian).
- Levenkova, E.R.* (2011) Britanskiy i amerikanskiy politicheskiy diskurs: kontrastivnyy analiz [British and American political discourse: contrastive analysis]. Samara. (In Russian).
- Sheigal, E.I.* (2002) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Chilton, P.* (2004) *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge. 240 p.
- Cummins, C.* (2025) Noncooperative Communication. *Annual Review of Linguistics*, Vol. 11, pp. 35–52.
- Dijk, Teun A. van* (2008) *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 293 p.
- Grice, H.P.* (1975) Logic and Conversation. In: Cole, P., Morgan, J.L. (eds.) *Syntax and Semantics: Speech Acts*, Vol. 3. New York: Academic Press, pp. 41–58.
- Leech, G.* (2014) *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Levinson, S.C.* (1983) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.

Екатерина В. Куликова

Аспирант кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
625003 Российская Федерация,
г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Эл. адрес: kulmane68@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-7056-4828>

Ekaterina V. Kulikova

PhD Student at the Department of Applied and Theoretical Linguistics, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation.

Correspondence address:
6 Volodarsky Street,
Tyumen 625003,
Russian Federation.

Email address: kulmane68@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-7056-4828>

Елена Ю. Пономарева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
625003 Российская Федерация,
г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Эл. адрес: el.y.ponomareva@utmn.ru
<https://orcid.org/0009-0005-4482-6597>

Elena Yu. Ponomareva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Applied and Theoretical Linguistics, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation.

Correspondence address:
6 Volodarsky Street,
Tyumen 625003,
Russian Federation.

Email address: el.y.ponomareva@utmn.ru
<https://orcid.org/0009-0005-4482-6597>

Для цитирования: Куликова Е.В., Пономарева Е.Ю. Прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах // Социоллингвистика. 2026. № 2. С.274–293. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-14

For citation: Kulikova E.V., Ponomareva E.Yu. Pragmalinguistic strategies of uncooperative communication in American and Russian political discourses // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 274–293. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-14

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.10.2025;
approved after reviewing 10.08.2026;
accepted for publication 30.08.2026.